
КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ С ПОЗИЦИЙ КОНСЕРВАТИВНОГО И АНТИЦИПАТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Трещевский Юрий Игоревич,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями Воронежского государственного университета; utreshevski@yandex.ru

Никитина Лариса Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления организациями Воронежского государственного университета; lanikitina@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты развития корпоративной социальной ответственности в контексте этической концепции Г. Йонаса. Показано, что проблема сохранения условий для жизнедеятельности в будущем не может быть решена за счет ограничения производства. Корпоративная ответственность в технико-технологической сфере может быть реализована только посредством качественного выполнения работ, услуг и эффективного прогнозирования последствий производственной деятельности.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, долг, цель деятельности, ответственность перед будущим, технико-технологическое развитие, экономическое поведение.

Формирование современной теории корпоративной социальной ответственности, способствующей гармоничному развитию технико-технологических и социально-экономических процессов, в значительной степени опирается на концепцию долга человечества перед будущим, разработанную Г. Йонасом. Известный императив Г. Йонаса об ответственности нынешних поколений за трансвременное существование человечества с неизбежностью привел его к постановке вопроса о содержании таких категорий, как «долг» и «цель». Автор сформулировал ряд положений, характеризующих глобальный характер ответственности современного человека, выходящей далеко за пределы собственно человеческого существования. Постановка проблемы Г. Йонасом в плоскости оценки последствий производственной деятельности позволяет ограничить ее анализом поведения людей (как

предмета этики) в экономической области, и соответственно, ввести в сферу организационно-экономических и социально-экономических отношений.

В основе представлений Г. Йонаса об ответственности лежит формальный отказ от антропоцентризма современной этики, который, на взгляд автора, не позволяет в должной мере сформулировать содержание важнейших категорий, характеризующих объект ответственности: «долг» и «цель». Так, Г. Йонас пишет, что отказ от антропоцентризма принципиально возможен на основе религии, однако ее роль в современном мире оказалась малозначимой: «Религия вполне способна предоставить основание для этики, однако сама она явиться по заказу не может, и когда религия отсутствует или дискредитирована, к ней невозможно апеллировать даже посредством сильнейшего аргумента крайней нужды» [2, с. 64]. Поиск подхода к ответственности, альтернативного религиозному, привел автора к метафизике, в результате чего была сформулирована альтернатива: должно ли вообще существовать «нечто», а не «ничто» [2, с. 64].

Однако, достаточное простое в метафизическом смысле решение оказывается достаточно сложно перевести в область этических и социально-экономических отношений. Поэтому систематическая критика антропоцентрической направленности современной этики сочетается у Г. Йонаса с антропоцентризмом иного свойства: вместо человека как центра внимания, у него оказался всемогущий человек. Отказываясь от антропоцентризма не формально, следовало бы поставить вопрос: в состоянии ли человек решить вопрос своего долга относительно столь общей субстанции, как «нечто».

Г. Йонас полагает, что проблема ответственности, долга, цели человека может быть в полном объеме решена на метафизическом уровне: «Так что, говорю я, небытие может быть избрано вместо всех альтернатив бытия, если только не признано абсолютное превосходство бытия перед ничто» [2, с. 65], и далее: «Таким образом, наше утверждение не в том, что лишь с иссяканием веры метафизика должна взяться за задачу, с которой прежде могла на свой лад справляться теология; нет, мы утверждаем, что задача эта всегда и была собственной задачей метафизики, причем только ее задачей, в условиях как веры, так и безверия, поскольку альтернатива эта вовсе не касается самой природы задачи» [2, с. 66].

Необходимо отметить, что метафизическое рассмотрение необходимости существования «нечто» имеет весьма малое значение для практических действий в экономической сфере, оно, скорее, относится к области «чистого разума». Поэтому в работах постоянно цитируемого Г. Йонасом И. Канта невозможно увидеть предпочтительность «нечто» перед «ничто». Это – только понятия. Ничто, по И. Канту, существует в четырех формах: ничто как пустое понятие без предмета; пустой предмет понятия; пустое созерцание без предмета; пустой предмет без понятия [3, с. 387-388]. «Ничто» у И. Канта – порождение разума, которое не может быть ни более, ни менее

предпочтительным, чем «ничто».

Развивая метафизику И. Канта, Г. Гегель четко разграничил понятия «ничто», «бытие» и их применение: «Бытие и небытие суть одно и то же, следовательно, одно и то же, существую я или не существую... применение указанного положения совершенно меняет его смысл. В указанном положении говорится о чистых абстракциях бытия и ничто; применение же делает из них определенное бытие и определенное ничто» [1, с. 72].

Иначе говоря, то, что является верным в абстрактно-логическом смысле, не может считаться таковым в аспекте конкретного действия и его осмысления. Поэтому рассмотрение соотношения «ничто» и «ничто» в метафизическом смысле не имеет значения для понимания «ответственности», «долга» «цели» в этическом (деятельном) и экономическом аспектах. Не случайно, ни И. Кант, ни Г. Гегель не выходили при их трактовке за рамки метафизики и логики. Так, у Г. Гегеля долженствование – логическая категория, «в-себе-бытие», отрицательное соотношение со своей границей как пределом самого себя: «Долженствование содержит, следовательно, двоякое определение: во-первых, как в-себе-сущее определение, противостоящее отрицанию, а во-вторых, как некое небытие которое как предел отлично от него, но в то же время само есть в-себе-сущее определение» [1, с. 125]. Такое понимание категорий представителями классической немецкой философии, постоянно цитируемые Г. Йонаса, не позволяет использовать метафизическую трактовку «ничто» и «ничто» для обоснования необходимых действий людей и их групп в экономической (техничко-технологической, организационно-экономической, социально-экономической) сфере.

Дилемма о предпочтительности «бытия» и «ничто» в метафизическом аспекте не имеет смысла: если речь идет об абстрактном бытии, бытии вообще, то оно беспредметно, если – в этическом, то необходима иная постановка проблемы – о конкретном «бытии». Но, если ценностью (предпочтительностью) является конкретное бытие, то сохранить его статичным невозможно, оно меняется независимо от человека, фактическое бытие в глобальном смысле не поддается влиянию человека. В соответствии с общепринятой теорией большого взрыва Вселенная (наиболее подходящий объект для материального воплощения «бытия» в наиболее общем виде) изменилась и продолжает меняться в масштабах пространства и времени, не сопоставимых с человеческой деятельностью [6, с. 148].

Если отойти от этого глобального объекта, влияние человека на который невозможно, то встает вопрос о выделении некоторой подсистемы, которая является значимой с позиций конкретного бытия, которое может быть ранжировано по степени значимости и доступности. Выделение в конкретном бытии неравноценных объектов, неизбежно должно привести нас к проблеме оценки того, как соотносится ценность биосферы, человечества, социальных групп, микрогрупп, отдельного человека. И тогда встает вопрос, о том, сколькими людьми в современных условиях и/или какими именно

можно пожертвовать сегодня для достижения блага будущего, реализуя недеятельный, консервативный подход к производственным процессам.

На наш взгляд, следует исходить из равноценности любых совокупностей людей. В противном случае стремление к благам будущего неизбежно приведет к представлениям о необходимости изменения социальной конфигурации общества со всеми вытекающими отрицательными последствиями как для настоящего, так и для будущего.

История знает огромное количество фактов, когда стремление к лучшему будущему требовало жертв от реально существующих людей. Фактически все тоталитарные режимы были и остаются устремленными в будущее или, наоборот, в прошлое. Если говорить не о столь глобальных социально-экономических процессах, а обратиться к уровню предприятия, то суть проблемы не меняется, здесь тоже можно оправдать любые действия заботой о будущем. Например, невыплата заработной платы в России в 90-х годах была массовым явлением, которое находило вполне ориентированное на будущее оправдание – необходимо сохранить предприятие. Но это была просто декларация, фактически за невыплатой заработной платы стояли другие цели собственников и топ-менеджмента (часто персонифицированных в одних и тех же лицах), прежде всего – сохранение предприятия как своей собственности, а это не то же самое, что сохранение предприятия. Фактически произошло жертвование интересами одних людей в пользу других людей как в будущем, так и в настоящем. Иначе говоря, устремленность в будущее явилась на практике предлогом для перераспределения благ. Обратные примеры, когда воплощенная в практику декларация важности будущего существования привела бы к позитивным результатам для всех участников социально-экономических процессов, нам неизвестны.

Указывая на наличие цели, с которой используется какой-либо предмет, Г. Йонас пишет: «Это так в отношении всех неживых приспособлений: цель, существенная для них как для искусственно созданных предметов – все же не их цель; несмотря на свою тотальную целесообразность, собственной цели они совершенно лишены» [2, с. 70]. Мы полагаем, что лишенность собственной цели можно отнести к любым системам, имеющим искусственное происхождение, не обязательно «неживых». Предприятие создается собственником для своих целей, только потом, в силу присутствия в них людей, оно обретает собственную цель. Вопрос заключается в том, могут ли организации иметь свои цели или последние представляют собой своеобразный синтез целей реальных одушевленных субъектов? Однозначно ответить на этот вопрос сложно, но необходимо для осуществления социально ответственной деятельности предприятий.

Г. Йонас считает, что: «Нет различия между бытием изготовителя и того, что изготовлено: первый (например, законодатель) и второе (общественное учреждение) являются онтологически, если не персонально, одним и тем же субъектом. Поэтому оба они "обладают" целью в одинаковом, изначальном

смысле. По крайней мере, этого мы ожидаем, и если при отправлении функции вклиниваются какие-то иные цели, возможно это лишь потому, что тут, в отличие от бездушных, просто целесообразных устройств, имеет место образование, поддерживающее в себе свои цели самостоятельно, и отклонение от изначальной цели (от лежащего в основе понятия) становится поводом для критики... Воля учреждавшей силы продолжается в воле самого учреждения, или же в нем искажается» [2, с. 75].

Данное положение Г. Йонаса позволяет выделить в качестве предмета ответственности именно то, что производит предприятие – его продукцию, услуги, поскольку это и есть цель его создания. Однако, в процессе функционирования организации (у Г. Йонаса речь идет преимущественно об институциональных структурах) изначальная цель претерпевает изменения: могут соединяться много целей или же они могут наращиваться, «прокрадываться» и т.д. вместе с ее позднейшими функциями, вплоть до полного отчуждения от первоначальной цели [2, с. 73-83]. Отметим, что это положение дел зафиксировал еще Т. Веблен, показав различие целей собственников и технотехники, отметив при этом, что цели технотехники (вторичные по отношению к изначальным целям собственника) имеют прогрессивный характер. Проблема с точки зрения развития корпоративной социальной ответственности заключается в том, как согласовать цели организации, ее собственников и менеджеров с изначальной целью.

По всей видимости, следует исходить из совместимости этих целей, иначе существование организации сколько-нибудь продолжительное время невозможно. Такой объединяющей целью, не требующей подавления остальных участников экономических процессов, является предмет деятельности организации, являющийся в силу этого предметом ее ответственности. Однако, Г. Йонас делает другой вывод: «Поскольку природа поддерживает цели, или ставит задачи, из чего мы теперь желаем исходить, она также и присваивает ценности. Ибо в отношении постоянно существующей, фактически преследуемой цели всякое ее достижение есть благо, а всякий промах – зло, и с этого различия начинается присваиваемость ценности» [2, с. 93]. Постановка вопроса автором является, на наш взгляд, антропоморфной – природе в целом присваиваются характеристики человеческой деятельности. Неизбежно напрашиваются вопросы: разве у природы есть благо или зло, разве это не человеческое представление о процессах? Объективно, вне человеческого восприятия, нечто в природе не является ни благом, ни злом, оно может быть таковым только по отношению к конкретному человеку. Благо или зло природы – это наша интерпретация происходящего. Был ли благом большой взрыв, положивший начало Вселенной? Извержение вулкана, землетрясение – это зло или добро для природы в целом? Можем ли мы говорить о природе в самом общем виде? Если да, то тогда это понятие ничем не отличается от бытия вообще. Если нет, то чем мы ограничиваем природу? Ближним окружением, биосферой,

Землей, Солнечной системой, Вселенной? О каких неудачах природы может идти речь? Появление на Земле человека – это «удача» или «промах»?

Конкретизация природных объектов Г. Йонасом несколько ослабляет антропоморфизм исходного тезиса о присутствии «блага» и «зла» в целях и действиях природы: «Интерес заявляет о себе в интенсивности самоцелей самих живых существ, в которых природные цели постоянно делаются субъективными, т. е. становятся присущими тому, кто их реализует, как его собственные. В этом смысле всякое ощущающее и стремящееся существо является не только целью природы, но и целью в самом себе, а именно своей собственной целью» [2, с. 95]. Собственная цель может быть подчинена более общей только с помощью чувства ответственности: «Лишь присоединяющееся сюда чувство ответственности, связывающее этого субъекта с этим объектом, заставляет нас ради него действовать» [2, с. 103]. Чувство ответственности, очевидно, должно быть, но это должно быть чувство, реализуемое в действиях. Иначе оно мало влияет на окружающий мир, если, конечно, не уходит в мистические (это не значит – обязательно неверные) представления о взаимоотношения человека с Вселенной.

Представления о глобальной ответственности человека перед бытием в его наиболее общем виде противоречат конкретности причинно-следственных связей, целей, действий людей. Г. Йонас сам достаточно определенно пишет об этом, утверждая, что любое последствие может рассматриваться лишь в тесной каузальной связи с деянием, где отнесение его на счет субъекта однозначно, а последствия не теряются в том, что и не могло быть предвидено: «Знаменитый недостававший в подкове гвоздь не делает кузнеца подмастерья реально ответственным за проигранную битву и утраченное королевство» [2, с. 103]. Отметим теоретическую и практическую значимость данного примера – кузнец отвечает за качество услуги по изготовлению и креплению подковы, а не за исход битвы. Так и предприятие отвечает за качество своей продукции, за ее соответствие требованиям потребителя, а не за абстрактное будущее, и не за бытие в абстрактном виде, и не за природу в целом или ее биологическую составляющую. Ответственность вытекает из цели некоторой системы. Своеобразный прототип современной корпорации – кузница, оказала некачественную услугу, не достигла той цели, для которой создавалась, поэтому для фиксации низкого уровня ее ответственности нет необходимости обращаться к глобальным последствиям, достаточно знать локальные. Но из приведенного Г. Йонасом примера не вытекает непосредственность ответственности. Любая деятельность, традиционная или инновационная, совершаемая в рамках простого или расширенного воспроизводства, имеет как непосредственные, так и прямо вытекающие из них последствия и поэтому должна носить антиципативный характер. Негативное последствие от некачественного изготовленного продукта (оказанной услуги) может быть более или менее значительным, но оно присутствует обязательно.

Производитель обязан предвидеть последствия, а в ряде случаев и последствия последствий. Конечно, данная цепь последствий не может уходить в бесконечность, а ограничена реально прогнозируемым временным периодом и степенью жесткости факторных связей.

Приведенный пример низкого уровня выполненной работы указывает также на неразделенность ответственности различных инстанций корпорации – вместе с подмастерьем за некачественно прибитую подкову должен отвечать и кузнец (выполняющий в данном случае роль менеджера). Собственник тоже ответственен, даже если не принимает непосредственного участия в производстве и управлении, поскольку его предприятие находится с потребителями в отношениях причинения.

Важно также, что ответственность и производителя, и потребителя несимметрична, поскольку объект ответственности не имеет той же цели, что и субъект. Напротив, в отношении будущего ответственность симметрична, все, ныне живущие, являются ответственными в равной степени, в силу его неопределенности. Поэтому не только само предприятие, его собственники, менеджеры и непосредственные производители, но и потребители продукции (услуг) являются ответственными перед ним. Конкретизировать эту ответственность в самом общем виде невозможно, необходимо выявить цели каждого участника отношений в системе «производство – потребление» и через них определить характер ответственности субъектов.

Г. Йонас, помимо определения абстрактной ответственности, указывает на существование естественной ответственности, тотальной, безотзывной и бессрочной – родительской. Напротив, избранная (по крайней мере отчасти) самим человеком, договорная ответственность обусловленного и приказного поручения сама по себе не имеет своим предметом никакого обязывающего блага и возлагается на срок [2, с. 107-108]. Это, на наш взгляд, противоречит исходному тезису об ответственности перед будущим, поскольку она не носит договорного характера. Зато с точки зрения практики, специфика ответственности в сфере экономических отношений отмечена верно: деятельность выбрана и, если даже по этому поводу не заключен договор в буквальном смысле слова, то имеются удостоверяющие ее документы: уставы, положения, инструкции и пр. Ответственность в данном случае – не тотальная, не естественная, не природная, поскольку никакими естественными законами природы конкретный человек не обязывается к выполнению определенных производственных функций, а локальная и конкретная.

Как видим, ответственность у Г. Йонаса представлена в различных видах, она не сводится ни к абстрактным представлениям о «бытии», «природе вообще», «будущем», ни к достижению конкретных целей, обусловленных непосредственной деятельностью. Ответственность человека существует в достижении собственных целей, но, в то же время, состав их может быть безгранично широким. Так, автор пишет: «Всякое живое есть своя

собственная, не нуждающаяся ни в каком дополнительном оправдании цель, и в этом человек не имеет никакого преимущества перед прочими живыми существами – кроме того, что он один может обладать ответственностью также и за них, т.е. за сбережение их самоцели» [2, с. 110]. В связи с этим существование человечества становится общекосмической ответственностью [2, с. 111].

«Общекосмический» характер ответственность, по мнению Г. Йонаса, приобрела недавно, в результате развития современных технологий: «Для тех, чье настоящее не отбрасывало такой тени в будущее, а главным образом имело дело лишь с собой, "ответственность за последующее" вовсе не была естественной нормой деятельности – для них такая норма не имела никакого сравнимого с нашим предмета и ее можно было бы счесть скорее самонадеянностью, чем добродетелью» [2, с. 135]. Поэтому, по мнению автора, человек в прошлом мог не задумываться об отдаленных последствиях своих действий, в отличие от современного человека, быстро изменяющего природную среду. Из этого Г. Йонас делает вывод о желательности осторожного и консервативного экономического поведения, ограничения в стремлении к прибыли, наращиванию объемов и расширению номенклатуры производства.

Представляется, что принципиальное разграничение возможностей современного человека и производства, сделанное автором, не оправдано по двум причинам. Во-первых, природа всегда была мобильной и без вмешательства человека, во-вторых, человек это видел и учитывал в своих действиях. Нам сегодня кажется, что прошлое было статичным или человек представлял его таковым. Но это – не так. Достаточно в этой связи обратиться к древним источникам. Так, Плутарх писал: «После обильно выпавших дождей Нил, вытеснив море, возродил и воссоздал долину наносами. Об этом может свидетельствовать наблюдение: мы ведь и теперь видим, как река несет новый ил и движет землю против постоянно отходящего моря» [5, с. 49].

Иначе говоря, в концепции Г. Йонаса природа безосновательно рассматривается в качестве статичной субстанции, ставшей уязвимой в силу развития техники и технологии. На наш взгляд, дело обстоит совершенно иначе. Природа (в масштабе Земли) стала уязвимее, чем ранее, хотя, скорее всего, это различие имеет только количественное выражение, в силу простого роста массы населения. Если теоретически представить себе архаичное производство, например, подсечно-огневое земледелие при нынешней численности населения, то можно предположить скорую гибель цивилизации без всяких техногенных катастроф. Ограниченные возможности природы (в узком смысле – природы нашей планеты) привели к необходимости технологического развития для обеспечения самого существования человека.

Т. Мальтус справедливо писал о законе народонаселения, в соответствии

с которым человечество размножается экспоненциально, а средства производства и существования – в арифметической прогрессии. Человек не может изменить ситуацию, природа сильнее человека, а когда ей не хватает сил для ограничения увеличения численности людей, на помощь ей приходит сам человек с войнами и прочими социальными катаклизмами [4, с. 5-136]. Исследователи, в том числе и Г. Йонас, обычно обращаются к анализу социально-экономических последствий закона народонаселения. Действительно, Т. Мальтус делает акцент на двух моментах: безусловности действия естественных законов, приводящих численность населения в соответствии со средствами существования, и необходимости нравственного обуздания для стабилизации той же численности. Но проблема имеет и технико-технологический аспект. Гипотетическая ситуация увеличения численности населения Великобритании до 44 миллионов при самых благоприятных, по мнению Т. Мальтуса, условиях производства начала XIX века, привела бы к недостатку простейших продуктов питания для 11 миллионов человек [4, с. 29]. Указанный автором рубеж давно преодолен, а недостатка предметов потребления Великобритания не испытывает именно благодаря качественным изменениям в сфере производства.

Теперь, если верить Г. Йонасу, не человечество, а техника и технология развиваются темпами, грозящими природе, в том числе и человеку. Опасность пришла с другой стороны, но суть ее осталась прежней – условия жизни становятся неудовлетворительными для будущих поколений. Если сопоставить версии развития человечества, выдвинутые Г. Йонасом и Т. Мальтусом, то оказывается – не имеет значения, что именно растет более высокими темпами – численность населения или средства производства. Из данной ситуации, по мнению обоих указанных исследователей, есть только один выход: стабилизировать более динамичный параметр технико-технологического и социально-экономического развития – численность населения (Мальтус) или средства производства (Йонас). Но, реально в обоих случаях окажется, что человечество исчерпает ресурсы достаточно быстро, по самым оптимистичным прогнозам – за несколько сот лет. Следующие после этого поколения будут жить в ухудшающихся условиях и деградируют. Стремление к ответственности перед будущими поколениями приведет к их гибели, даже если удастся каким-то образом законсервировать производство, его технико-технологическую базу или остановить рост численности населения. Не будет достигнуто именно то, что Г. Йонас считает самым важным: «В настоящий момент все работы над "человеком в собственном смысле слова" отступают на задний план перед спасением просто предпосылки этого, а именно существования человечества в среде пригодной для него природы» [2, с. 14].

Проблема заключается, по мнению Г. Йонаса в неразумном стремлении к безграничному росту производства и потребления, свойственному любому общественному строю. Производитель при социализме и предприниматель

в условиях рынка оказываются в нравственно ложной ситуации и даже если лично являются добродетельными, наносят урон будущим поколениям людей и природе в целом в силу своей общественной роли [2, с. 173-174].

Последнее утверждение Г. Йонаса переводит проблему ответственности в практическую плоскость. Личная добродетель не делает поведение предпринимателя ответственным. В частности, благотворительность предпринимателей (собственников, менеджеров), является только одним из способов самоуспокоения, поскольку наряду с прибылью они «производят» и сострадание, соучастие и пр. В процессе благотворительной деятельности только часть, причем незначительная, от общей прибыли, тем более, стоимости произведенной продукции, идет на ответственные действия, выходящие за пределы; общественной роли». Преобладающая часть деятельности может быть сколь угодно безответственной. Отсюда следует, что все действия в профессиональной и/или сословной деятельности должны стать ответственными. Это возможно только в том случае, если предмет социальной ответственности становится производимый товар, услуга, совершаемая работа, т.е. та цель, для которой создано предприятие.

Конечно, для современного и будущего общества не безразлично также и использование природных ресурсов, но в практическом плане определение их в качестве основного предмета ответственности приведет к неизбежному выводу о том, что всякое увеличение производства приведет к худшим показателям ответственности, а наилучшим результатом окажется отсутствие всякого производства, бездеятельность, что прямо противоречит сущности предприятия.

Хотя сказанное не означает, что способ и объем используемых ресурсов различного рода, равно как и благотворительность, не входят в сферу ответственности собственников и менеджеров и предприятий в целом. Важно верно прогнозировать результаты производственной деятельности и иных форм взаимодействия корпораций с другими подсистемами общества.

Анализ различных общественных систем в итоге привел Г. Йонаса к утверждению, обратному его исходному тезису об ответственности перед бытием в метафизическом смысле. Ответственность по мере приближения к практике стала конкретной: «Ясно, однако, то (и в этом-то и состоит основная проблема), что всякое конструктивное решение требует значительного применения технологии (уже одна только численность теперешнего населения Земли исключает возврат к прежнему состоянию), и нанесенные этим среде обитания раны требуют нового технического прогресса для их исцеления, т. е. улучшенной технологии уже в оборонительном смысле» [2, с. 186].

Однако, вывод из данного положения по-прежнему остается в концепции ответственности и долга Г. Йонаса неконструктивным, пожелательным в мальтузианском смысле – только вместо нравственного обуздания предлагается «обуздание» технологического развития: «Критика утопии,

как экстремальной модели, служила не столько даже опровержению пусть даже все еще влиятельной ошибки в мышлении, сколько обоснованию ее, далающейся объектом нашего долга, альтернативы: этики ответственности, которая ныне, после длившейся несколько столетий послебэконовской, прометеевской эйфории...должна обуздать (выделено нами. Авт.) стремительное продвижение вперед» [2, с. 223]. Отметим, что движение вперед не является «послебэконовским», оно свойственна человеку вообще. Впрочем, это следует из самого текста Г. Йонаса, ведь Прометей, по легенде, принес огонь людям за несколько тысячелетий до формирования философии Ф. Бэкона.

Решение проблемы ответственности перед будущим Г. Йонас в итоге возлагает на проникновение страха в систему нравственных ценностей человека: «Становится необходимой пытливая эвристика страха, которая будет не только обнаруживать и представлять ему прежде небывалый его объект, но даже возвещать об особых нравственных интересах, к которым этот страх будет обращаться, чего не бывало никогда прежде. Представление зла так же сильно нуждается в этической теории, как и представление добра, что делается особенно верно тогда, когда последнее сделалось неясным для нашего взгляда и для того, чтобы снова проясниться, должно подвергнуться угрозе небывалого зла» [2, с. 225].

Злом у Г. Йонаса является изменение условий существования нынешнего поколения людей. Поэтому он считает необходимым «Сбережение наследия с соблюдением требования его "достоверности" или, в отрицательной форме, также и оберегание его от деградации...Пронести его через перипетии времен и сберечь в невредимости даже от деятельности самого человека – вот не утопическая, однако вовсе не такая уж скромная цель ответственности за будущее человека» [2, с. 226].

Цель, разумеется, не «скромная», но утопическая. Любой период времени был и остается периодом перемен, в котором изменяется и окружающая среда, и сам человек. Неизменного мира не существует, но остается вопрос его целесообразности, выяснения, почему, собственно, перемена – это деградация, а неизменность – благо. Общественная практика показывает обратное – деградируют качественно и количественно именно наиболее консервативные общества, даже если окружение пытается сберечь среду их обитания. В наиболее типичном случае – когда происходит столкновение консервативных и динамичных обществ, то последние демонстрируют более высокую жизнестойкость нового общественного устройства, даже в случае поражения его носителей. Так, законы Ликурга, требовавшие консервации, сохранения в неизменном виде технико-технологической и социально-экономической систем общества, считались эталоном морального устройства, но победа Спарты в Пелопонесской войне привела к их крушению, победитель, вопреки элементарной логике перенял динамику побежденного.

Сберечь в неприкосновенности нынешнее, значит – отказаться от будущего как такового, превратить его в пролонгированное настоящее. Каким бы прекрасным или, наоборот, непривлекательным, оно ни казалось конкретному человеку или социальной группе, сохранить его не удастся в силу естественных законов природы. Поэтому социально ответственным поведением корпораций, любых иных производителей материальных благ и услуг является не консервация существующего уровня техники и технологии, а опережающее рост потребностей производство, вытекающее из антиципативного экономического поведения, предполагающего и удовлетворение современных потребностей, и прогнозирование его последствий.

Список источников

1. Гегель Наука логики [текст] / Гегель. – М.: Мысль, 1998. – 1072 с.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации [электронный ресурс] / Г. Йонас // URL: http://makhankov.ucoz.ru/load/tekst_russkogo_perevoda_knigi_gansa_jonasa_quotprincip_otvetstvennostiquot/1-1-0-15 Текстовая копия.
3. Кант И. Критика чистого разума [текст] / И. Кант. – Минск: Литература, 1998. – 960 с.
4. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Антология экономической классики. [текст] В 2-х томах., Т. 2. / Т. Мальтус. – М.: Эконом, 1993. – С. 5-136.
5. Плутарх. Исида и Осирис [текст] / Плутарх. – М.: Эксмо, 2006. – 464 с.
6. Хокинг С. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной [текст] / С. Хокинг. – СПб.: Амфора, 2009. – 148 с.

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN TERMS OF CONSERVATIVE AND ANTIRECESSIONARY ECONOMIC BEHAVIOUR

Treshchevskiy Yuri Igorevich,

Dr. Sc. of Economy, professor, Chief of the Chair of Economy and Management of Organizations of Voronezh State University;
utreshevski@yandex.ru

Nikitina Larisa Mikhaylovna,

Ph. D. of Economy, Associate professor of the Chair of Economy and Management of Organizations of Voronezh State University;
lanikitina@yandex.ru

In the article theoretical and practical aspects of development of corporate social responsibility in a context of the ethical G. Jonasa's concept are considered. It is shown that the problem of preservation of conditions for ability to live in the future can't be solved at the expense of manufacture restriction. Corporate responsibility in technical and technological sphere can be realized only by means of qualitative performance of works, services and effective forecasting of consequences of industrial activity.

Keywords: corporate social responsibility, a debt, the activity purpose, responsibility before the future, technical and technological development, economic behavior.